

Возрожденіе скопчества въ с. Спасскомъ, Мелит. у.

(Изъ дневника епархіального миссіонера).

Во время послѣдней миссіонерской поѣздки (въ ноябрѣ с. г.) мнѣ пришлось посѣтить с. Спасское по слѣдующему дѣлу. Въ февралѣ или мартѣ с. г. священникомъ с. Терпѣнія о. Станиславскимъ было препровождено Его Преосвященству письмо нѣкоего Трифона Чепурного, описывавшаго о. Іоанну свое семейное горе. Трифонъ выдалъ свою дочь Гликерію за односельчанина и сосѣда по усадьбамъ, Максима Кидалова. Но чрезъ полтора—два мѣсяца супружеской жизни, молодая Кидалова стала жаловаться родителямъ, что ея свекровь,—родная мать ея мужа,—Марія Кидалова, уговариваетъ ее, Гликерію и ея мужа—Максима оставить употребленіе въ пищу мясного, такъ какъ, по словамъ Маріи, пользы отъ этой „падали“ даже для тѣла мало, а грѣха для души много. Затѣмъ, по сообщенію той же Гликеріи, когда старуха Кидалова отправлялась на свои молитвенныя собранія, (а ходила она всегда поздно вечеромъ, подѣ большіе праздники и возвращалась далеко послѣ полуночи), то въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, Максимъ

уговаривалъ свою жену Гликерію, что лучше бы, во избѣжаніе ссоръ съ матерью, прекратить употребленіе мясного и даже начать посѣщеніе тѣхъ молитвенныхъ собраній, на которыхъ бываетъ его мать. На вопросъ Гликеріи и ея родныхъ, что это за собранія и что на нихъ дѣлается, Максимъ объяснилъ, что его мать Марія „зашалопутила“*), почему и посѣщаетъ „шалопутскія собранія“.

Родители Гликеріи, опасаясь вліянія, какое могутъ оказать на нее свекровь и мужъ, котораго они также стали заподозрѣвать, если и не въ соучаствіи съ шалопутами, то, по крайней мѣрѣ, въ сочувствіи имъ, рѣшили, посовѣтовавшись съ своимъ приходскимъ священникомъ, отобрать Гликерію отъ мужа. вмѣстѣ съ тѣмъ Трифонъ Чепурной сталъ тщательно слѣдить за тѣми изъ своихъ односельчанъ, кого народная молва причисляла къ шалопутамъ. Эти наблюденія привели Трифона къ глубокому убѣжденію, что въ с. Спасскомъ возрождается скопчество, которое совершенно было заглохло, послѣ извѣстнаго громкаго процесса надъ Таврическими скопцами. Это возрожденіе началось недавно и, несомнѣнно, находится въ самой тѣсной связи съ прибытіемъ въ с. Спасское скопцовъ — старика и двухъ старухъ, возвратившихся изъ Сибири, гдѣ они по суду отбывали наказаніе за принадлежность къ скопчеству. Помилованные въ силу Высочайшаго манифеста, по случаю рожденія Наслѣдника престола, помянутые скопцы, по возвращеніи въ Россію, выбрали мѣстомъ своего новаго жительства с. Спасское и поселились здѣсь у лицъ, которыхъ народная молва подозрѣваетъ въ сочувствіи шалопутству; старикъ-скопецъ — у Трифона Ходырева, одна скопчиха — у Пелагії Ермоленковой, а другая — у Елисея Пензева. Вновь прибывшіе — „птички Божіи“, „голубицы чистыя“ и начали свою преступную работу по насажденію

*) Перешла въ скопчество. — Шалопутъ — мѣстное народное названіе скопца.

въ средѣ православныхъ с. Спасскаго скопческихъ бредней. Старое*) скопческое пепелище зашевелилось. Сочувствовавшіе въ былое время, еще до суда, скопцамъ, но „страха ради іудейска“ притихшіе, теперь, съ возвращеніемъ скопцовъ, живо откликнулись, дали у себя пріютъ и теплый уголокъ „бѣднымъ пришельцамъ“, „страдальцамъ за вѣру“ отъ „злыхъ іудейскихъ рукъ шатоватаго міра“. Старичекъ и старушка скопцы, обжившись и осмотрѣвшись немного, начали „божье дѣло созидать“—„собрать царя—батюшки наборъ полковъ премудрыхъ кавалеріи духовной“, „творить свѣтлое Христово пріуготовленіе ко еже адамова грѣха умерщвленію“... Появились, хотя и тайныя, молитвенныя собранія, завязались сношенія со скопцами сосѣднихъ селъ: Михайловки, Тимошевки, Богдановки, Большого Токмака и друг. Началась открытая проповѣдь покаянія, призывъ народа къ исправленію грѣховной жизни, исполненной пьянства, сластолюбія, женолюбія, разврата... Отъ внимавшихъ проповѣди требовалось исправленіе, покаяніе, постъ, истрезвленіе и добродѣтельная жизнь. Появились и прозелиты. Первыми жертвами стали дѣвушки, незаконорожденные дочери нѣкоего Федора Горѣлкина, который сначала еще до суда надъ скопцами, „ради подвига благочестія“ прогналъ свою жену, не согласившуюся вступить въ скопческую секту. Потомъ, когда началось судебное скопческое дѣло, Горѣлкинъ, чтобы скрыть свою принадлежность, или, лучше сказать, близость къ скопчеству, открыто вступилъ въ незаконную связь съ одной женщиной и прижилъ съ ней дѣтей. Впослѣдствіи, когда изъ памяти Горѣлкина изгладилась острота впечатлѣній отъ суда надъ скопцами онъ съ нѣкоторыми другими тайными сектантами опять принялся за шалопутство, но хранилъ „тайнство вѣры“, т. е. свою

*) Въ с. Спасскомъ еще въ семидесятыхъ годахъ были скопцы.

принадлежность къ сектѣ, въ глубочайшемъ секретѣ отъ всѣхъ. Вотъ чѣмъ и объясняется, что вернушіеся изъ ссылки скопцы, такъ скоро сьумѣли завоевать въ народѣ симпатіи и даже пріобрѣсти прозелитовъ. Несомнѣнно, у Горѣлкина „птички божіи“ нашли не только пріютъ, но и указанія, кто сочувствуетъ, кто тайно исповѣдуетъ скопчество, гдѣ можно устраивать радѣнія, кто изъ православныхъ можетъ быть полезнымъ скопцамъ и т. п.

Первыми жертвами религіознаго фанатизма, какъ уже было замѣчено выше, стали незаконныя дочери Горѣлкина, которыхъ онъ, склонивъ въ скопчество, для „убѣленія“ и дѣйствительнаго вступленія „въ духовный полкъ“, а проще говоря, для оскопленія, отправилъ, по слухамъ, въ Румынію. Туда же уѣхала и незаконная сожительница Горѣлкина, захвативъ съ собою сиротку восьмилѣтнюю внучку, дочь ея невѣстки.

Въ настоящее время въ селѣ Спасскомъ, по народной молвѣ, къ скопчеству причисляются слѣдующія лица: 1) Григорій Дьяченко съ женой и дѣтьми; дѣти у него взрослые; есть женатые и замужнія. 2) Трифонъ Ходыревъ съ семействомъ; дѣти тоже есть уже семейныя. 3) Иванъ Ходыревъ съ женой. 4) Діонисій Мельникъ съ семействомъ. 5) Θεодоръ Горѣлкинъ съ семействомъ. 6) Целагія Ермолина съ дочерьми; мужъ православный. 7) Матрона Гритчина съ дочерьми; мужъ православный. 8) Парасковья Подзолкова съ невѣсткою; сынъ православный. 9) Марія Кидалова; сынъ хотя и православный, но изъ сочувствующихъ скопцамъ... Итого девять семействъ. Всѣ перечисленныя семьи состоятъ въ близкомъ или дальнемъ родствѣ между собою.

Есть въ с. Спасскомъ и вновь отпавшіе отъ скопчества. Таковы: Евфимія Подзолкова и Платонъ Химичъ. Евфимія Подзолкова тайно исповѣдывала скопчество около двадцати пяти лѣтъ. Бывала въ Румыніи. Многое знаетъ изъ быта и

внутренней жизни, какъ заграничныхъ, такъ и мѣстныхъ скопцовъ; но говоритъ мало, вѣроятно опасаясь попасть на судъ въ качествѣ свидѣтельницы. Что она прежде сочувствовала скопчеству, видно, между прочимъ, изъ того, что своихъ трехъ сыновей, изъ нихъ младшему въ настоящее время уже около тридцати лѣтъ, сохранила, по скопческому принципу, не женатыми. Впрочемъ, какъ сама, такъ и дѣти, въ свое время, „страха ради іудейска“, „убѣленія“ не приняли; а теперь Евфимія чрезвычайно довольна и рада, что не погубила окончательно ни себя, ни дѣтей. Что заставило ее вернуться въ лоно православной церкви, Евфимія пока скрываетъ, но всюду говоритъ, что дала Богу обѣтъ покаянія и твердо рѣшила всѣмъ и каждому рассказывать объ ужасахъ „скопческаго спасенія“. Отпаденіе отъ скопчества Евфиміи возбудило противъ нея страшную ненависть со стороны бывшихъ ея единомышленниковъ; даже родная сестра Евфиміи Парасковья Подзолкова (скопчиха) до того не взлюбила ее за „измѣну царю-батюшкѣ родимому, самому Господу Христу Богу“, что перестала съ ней говорить и всячески избѣгаетъ встрѣчи съ ней; а если гдѣ случайно приходится имъ встрѣтиться, то отскакиваетъ отъ нея, какъ отъ зачумленной.

Другой отпавшій отъ скопческой общины, молодой еще парень, Иларіонъ Химичъ. Исторія его походовъ довольно интересна, хотя, въ виду краткости нашего знакомства, онъ, видимо, сильно стѣсняется, и о многомъ умалчиваетъ. Дѣло его совращенія въ шалопутство началось осенью 1906 года. Одна изъ мѣстныхъ скопчихъ, Матрона Гритчина пригласила старика Стефана Химича молотить хлѣбъ. При молотилкѣ, въ качествѣ машиниста, присутствовалъ и Иларіонъ Химичъ. Парень онъ молодой, высокаго роста, здоровый, красивый, видимо, приглянулся Матронѣ, которая рѣшила, такъ или иначе, но склонить его къ своей вѣрѣ. Съ этою цѣлью она стала часто приглашать его къ

себѣ, сначала подѣ разными благовидными предлогами, а потомъ и просто „для бесѣды“. Чтобы привлечь парня, его всегда хорошо угащали и даже иногда потчивали виномъ. Когда Иларіонъ, по видимому, привыкъ ходить къ Матронѣ запросто, она стала постепенно, съ помощью другихъ скопцовъ и скопчихъ, знакомить его съ ученіемъ своей вѣры, приглашая его къ себѣ на собранія. Но на этихъ первоначальныхъ собраніяхъ читалось только лишь слово Божіе, пѣлись церковные пѣсни и молитвы, говорилось о постѣ и воздержаніи. Парня вся эта новизна весьма заинтересовала; особенно, когда, послѣ достаточной подготовки, его, наконецъ, ввели въ „соборный сіонъ“, когда онъ увидѣлъ „божіихъ птичекъ“ „въ бѣлыхъ ризкахъ“, когда услыхалъ „дивныя пѣсни сіона“, съ „восплесканіемъ руками“. Одно только парню не нравилось, что дѣвицы—скопчихи, какъ то относятся ко всему безучастно, вяло, безжизненно; да и сами какія то „муміи“, желтыя, сухія и, какъ доски, ровныя, „ничего дѣвичьяго въ нихъ не видно“. Тѣмъ не менѣе Иларіонъ продолжалъ посѣщать скопцовъ и все больше и больше входилъ въ довѣріе къ нимъ. Все шло, по видимому, благополучно; но вдругъ стряслась бѣда. Отецъ Иларіона, Стефанъ Химичъ, давно уже косо посматривалъ на похождения своего сына, и не разъ намекалъ ему, что онъ догадывается, куда и зачѣмъ парень пропадаетъ по вечерамъ. Однако Иларіонъ, какъ будто, не замѣчалъ всѣхъ этихъ отеческихъ намековъ. И вотъ старикъ рѣшилъ объясниться съ сыномъ. Объясненіе было бурное и окончилось угрозой старика, объявившаго, что въ случаѣ уклоненія Иларіона въ скопчество, онъ непременно до основанія разоритъ все гнѣздо „проклятыхъ шалопутовъ“. Угроза подѣйствовала. Иларіонъ сталъ осторожнѣе и, хотя продолжалъ ходить на собранія скопцовъ, но дѣлалъ это гораздо рѣже, да и то больше въ такое время, когда въ домѣ всѣ уже улягутся спать. Скопцы, съ своей сто-

роны, не желая упустить изъ рукъ „птичку божію“, пустились на хитрость и стали уговаривать молодого Химича выѣхать въ г. Николаевъ, Херсонской губерніи, и поступить въ пекарню извѣстной здѣшнимъ скопцамъ Евфросиніи Петровны, въ качествѣ рабочаго, по 25 руб. жалованья въ мѣсяць, на всемъ готовомъ. Предложеніе было весьма соблазнительно, и Иларіонъ рѣшилъ уѣхать... Но отецъ, сообразивъ, что за мѣсто предлагаютъ Иларіону, категорично объявилъ, что онъ не дастъ своего благословенія на эту поѣздку. Потомъ, много времени спустя, уступая настоятельной просьбѣ остальныхъ членовъ семьи и даже сосѣдей, старикъ отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе, вытребовавъ изъ волости для Иларіона паспортъ и позволилъ ему отправиться въ Николаевъ попытать счастья самостоятельнымъ трудомъ. Но тутъ произошло обстоятельство, перевернувшее все. Иларіонъ неожиданно заболѣлъ и почти мѣсяць не вставалъ съ постели. Старикъ Химичъ, какъ человѣкъ религіозный и вдумчивый, придалъ особое значеніе этому случаю, рѣшивъ, что болѣзнь Иларіона есть ни что иное какъ указаніе свыше не отпускать его на сторону. Иларіонъ, разсуждалъ старикъ, задумалъ плохое дѣло—уйти изъ родительскаго дому, быть можетъ съ намѣреніемъ порвать всякую связь съ православной вѣрой и съ своими родными, а Богъ вотъ и не допустилъ до этого, наложивъ на него серьезную болѣзнь. По этому старикъ отобравъ у сына паспортъ, рѣшилъ болѣе не отпускать его въ Николаевъ. Прошелъ мѣсяць. Иларіонъ поправился. Сношенія съ скопцами возобновились; но по прежнему по ночамъ, и съ большими предосторожностями, чтобы не догадался отецъ. Прошелъ еще мѣсяць, другой... Началась весна. Всегда жизнерадостный Иларіонъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Родные приписывали происшедшую въ немъ перемѣну перенесенной болѣзни. На дѣлѣ было не то. Иларіона угнетала совѣсть. Онъ задумалъ бѣжать

изъ родительскаго дома... Наступило 25 марта. Вся семья отправилась въ церковь; собрался и Иларіонъ. На обѣдѣ, однако выяснилось, что въ церкви его не было; да и сейчасъ никто не знаетъ, гдѣ онъ находится...

— „Видно опять задурилъ паренъ,— замѣтилъ вскользь по этому случаю отецъ.

Передъ вечеромъ мать заглянула въ шкафъ, и ей бросилось въ глаза, что одежды Иларіона нѣтъ никакой,—все унесено. Старикъ бросился къ сундуку, гдѣ хранился паспортъ, но послѣдняго не оказалось. Ясно было, что Иларіонъ, захвативъ паспортъ, бѣлье и вообще всю свою одежду, даже старые сапоги, неизвѣстно куда скрылся. Въ семьѣ поговорили, мать поплакала и рѣшили ожидать вѣстей отъ самого Иларіона. Прошло двѣ недѣли. Писемъ не было никакихъ. И вдругъ въ одинъ вечеръ, когда вся семья была въ сборѣ и ужинала, дверь избы тихо отворилась и на порогѣ, съ чемоданомъ въ рукахъ, смущенно и виновато, стоялъ Иларіонъ... Всѣ, понятно, были рады возвращенію блуднаго сына. Даже всегда суровый отецъ только и спросилъ: — „Уже? скоро же ты, сынокъ, бросилъ свой хлѣбъ! Видно отповскій вкуснѣе... Ну да садись ужинать“... Иларіонъ въ отвѣтъ только махнулъ рукой и молча принялся за ѣду...

Что произошло съ Иларіономъ въ Николаевѣ? Какъ случилось, что онъ, почти совсѣмъ подготовленный мѣстными скопцами ко вступленію въ ихъ общину, вдругъ порвалъ съ ними всякое сношеніе и теперь видимо сталъ ихъ противникомъ, ибо выдаетъ даже шалопутскіе секреты? Это пока покрыто мракомъ неизвѣстности. О своемъ пребываніи въ Николаевѣ Иларіонъ говоритъ весьма неохотно и то, на что онъ указываетъ, какъ на причину своего разрыва съ скопцами, по нашему мнѣнію, не могло служить дѣйствительною причиной... Очевидно, главное, что заставило его бѣжать изъ Николаева, онъ скрываетъ. Но за то

молодой Химичъ не скрываетъ своего презрѣнія и даже ненависти къ скопческой организаціи... Благодаря именно этой враждебности, намъ удалось добыть тѣ цѣнныя данныя, изъ коихъ съ несомнѣнной ясностью устанавливается фактъ существованія шалопутства не только въ с. Спасскомъ, гдѣ зарегистрировано уже девять семействъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ: Большой Михайловкѣ, Тимошевкѣ, Богдановкѣ, Большомъ Токмакѣ, Кизіярѣ и др., откуда скопцы не разъ пріѣзжали на молитвенныя собранія въ с. Спасское. Установлено также, что эти молитвенныя собранія ни что иное какъ радѣнія шалопутовъ, въ обычныхъ скопческихъ костюмахъ, съ пляской, верченіемъ, всплескиваніемъ руками, пѣніемъ радѣльныхъ пѣсень, пророчествами „ангеловъ“, „архангеловъ“, „херувимовъ“, „серафимовъ“, „пророковъ“ „богородицъ“ и самого „батюшки Христа“...

Все рассказанное выше о Спаскихъ скопцахъ, — всѣ эти свѣдѣнія добыты мною путемъ частныхъ бесѣдъ съ крестьянами, которыхъ я приглашалъ, по указанію Трифона Чепурного, въ квартиру священника, какъ людей свѣдущихъ, знакомыхъ съ тѣми или другими сторонами жизни шалопутовъ.

Кромѣ Трифона Чепурного, Евфиміи Подзолковой и Иларіона Химича цѣнныя указанія сдѣланы еще и многими другими лицами.

Не ограничиваясь частными бесѣдами съ отдѣльными личностями, я пригласилъ кромѣ перечисленныхъ еще и многихъ другихъ для общей бесѣды въ помѣщеніе сельскаго управленія Здѣсь, между прочимъ, выяснилось, насколько крестьяне с. Спасскаго недовольны появленіемъ у нихъ опять затихшаго было послѣ суда скопчества...

— „Мы желали бы, говорили крестьяне, чтобы всѣхъ шалопутовъ „освидѣтельствовали“ и, какъ прежде предали бы ихъ суду.. Мы не желаемъ терпѣть въ своемъ обществѣ изуверовъ, которые „портятъ“ народъ. Мы хотимъ составить „приго-

воръ“ о совершенномъ выселеніи ихъ изъ нашего села“. Въ заключеніе „старики“ горячо просили меня доложить о постигшемъ ихъ несчастіи Владыкѣ — Архипастырю и похлопотать предъ начальствомъ о приведеніи приговора въ исполненіе. Конечно, я, какъ могъ, успокоилъ крестьянъ, обѣщая сдѣлать для нихъ все возможное...

Вѣсть о пріѣздѣ въ с. Спасское „изъ губерніи“ „особаго лица“ по скопческому дѣлу съ быстротой молніи разнеслась по всему селу и произвела, какъ среди православныхъ, такъ и среди скопцовъ необычайную сенсацію. Послѣдніе засуетились и, подъ видомъ „гостей, небольшими группами, стали собираться у заправиль и обсуждать свое положеніе и дальнѣйшее поведеніе въ присутствіи „пріѣзжаго лица“.

Въ наступившее воскресенье храмъ былъ переполненъ молящимися; но изъ скопцовъ, вѣроятно изъ опасенія обличеній, не явился никто, за исключеніемъ Максима Кидалова, лишь подозрѣваемого въ сочувствіи скопцамъ.

По окончаніи Божественной литургіи, я въ церкви же открылъ собесѣдованіе съ народомъ о появившихся въ ихъ приходѣ шалопутахъ. Объяснивъ причину и цѣль моего пріѣзда, я затѣмъ въ краткихъ словахъ охарактеризовалъ скопчество, объяснивъ сущность догматическаго и нравственнаго его ученія. Далѣе я обратилъ вниманіе православныхъ на тѣ особенности, которыми скопчество отличается отъ православія и отъ всѣхъ другихъ сектъ. Православные, находясь постоянно въ общеніи съ шалопутами, знаютъ, конечно, что они не ѣдятъ мяса, уклоняются отъ супружескаго ложа, но они полагали, что сектанты это дѣлаютъ ради подвига воздержанія, для святости и благочестія... Каково же было ихъ удивленіе, когда я имъ объяснилъ, что уклоненіе отъ употребленія мясной пищи вызывается вѣрой шалопутовъ въ переселеніе душъ умершихъ въ животныхъ и насѣкомыхъ. — „Будешь ѣсть мясо, можешь съѣсть и своего

родственника“, пугаютъ обыкновенно скопцы православныхъ... Точно такъ же запрещеніе брачнаго сожитія есть результатъ ложнаго, извращающаго божественное установленіе, взгляда на бракъ, какъ на блудодѣяніе. Отсюда и изувѣрное ученіе объ оскотленіи. Еще больше были поражены и возмущены православные, когда я имъ выяснилъ что ученіе скопцовъ о перевоплощеніи Христа въ сущности есть полное отрицаніе христіанства. Не оставилъ я также безъ вниманія и свойственное скопчеству, какъ и хлыстовщинѣ, до невѣроятныхъ предѣловъ развитое, лицемѣріе. Этимъ качествомъ, какъ выяснилось, особенно отличаются мѣстные шалопуты. По внѣшней набожности и благочестію это первые въ приходѣ христіане. Они не пропускаютъ почти ни одной службы, въ храмъ становятся впереди другихъ, а иногда и на клиросѣ, учащенно крестятся и отбиваютъ поклоны, служатъ молебны, акаѣисты, панихиды... Говѣютъ не только въ великій постъ, а и во всѣ остальные, и даже по два раза... Жизнь проводятъ скромную, трезвую, уклоняются отъ посѣщенія разныхъ пирушекъ, свадебъ, крестинъ, именинъ и т. п. Не курятъ, не употребляютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, съ сосѣдями живутъ мирно и дружелюбно... И если бы не ночныя сборища, да не бракорборство, никто никогда и не догадался бы, что это сектанты, да еще сектанты, проповѣдующіе страшное изувѣрство, — оскотленіе мужчинъ и женщинъ...

Говоря въ заключеніе о разныхъ мѣрахъ борьбы съ развивающимся въ приходѣ зломъ изувѣрнаго шалопутства я, между прочимъ, указалъ на одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ, по мнѣнію VI отд. Предсоборнаго Присутствія*) средствъ борьбы съ мистическими сектами — это воздѣйствіе на сектантовъ со стороны народа, когда православные прихожане, по настоянію своего пастыря

*) Жур. Засѣд. Предсоб. Присутств. стр. 20.

единодушно рѣшать не имѣть рѣшительно никакого общенія съ сектантами—скопцами. Не отказывая имъ въ любви христіанской въ случаяхъ нужды, православные должны всѣмъ міромъ прервать съ ними всякія житейскія сношенія. Правда это трудно, но возможно. Въ нѣкоторыхъ приходяхъ сосѣдней съ нами епархіи Херсонской*), подѣ сильнымъ и настойчивымъ вліяніемъ пастырей это было уже испробовано по отношенію къ хлыстамъ и не безъ успѣха; сектанты не могли долго выдержать отлученія народнаго, они скоро начали чувствовать томительное одиночество среди многочисленныхъ односельчанъ и поняли, что отпавъ отъ вѣры, они измѣнили не только церкви православной, но и семьѣ народа русскаго, оскорбили самое дорогое, самое святое его чувство.

Безъ сомнѣнія, либеральной мысли подобное отношеніе народа къ лицемѣрнымъ сектантамъ можетъ показаться противнымъ духу любви христіанской и евангельскому ученію объ отношеніи къ ближнимъ; но какъ учить св. Григорій Богословъ, „не должно заключать мира во вредъ ученію истины, уступая что нибудь ради славы именоваться снисходительными“ (Слово 42-е). О еретикахъ подобныхъ нашимъ скопцамъ и хлыстамъ апостоль любви Іоаннъ Богословъ говоритъ: *Кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте, ибо привѣтствующіе его участвуютъ въ злымъ дѣламъ его* (2 Іоан. 1, 10--11); и ап. Павелъ учить: *Я писалъ вамъ не сообщаться съ тѣми, кто, называясь братомъ, остается блудникомъ, или михоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ или пьяницею, или хищникомъ: съ такими даже и не ѣсть вмѣстѣ... Итакъ изверните развращенную изъ среды васъ* (1 Кор. 5, 13). Такого же отношенія къ еретикамъ требуютъ и каноны цер-

*) Докладъ Херс. епарх. мис. М. Кальнева Церк. Вѣд. 1907 г. № 4.

кви, запрещая даже допускать ихъ до общенія въ молитвѣ, не позволяя имъ посѣщать и храмъ Божій (Прав. Лаод. соб. 6, 33; Тимофея Александр. пр. 9).

Что касается самихъ скопцовъ, или правильнѣе, лицъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ скопчеству, то послѣ бесѣдъ съ крестьянами, когда для меня существованіе въ с. Спасскомъ скопческой организаціи стало фактомъ несомнѣннымъ, я рѣшилъ посѣтить всѣхъ, кого народная молва заподозрила въ принадлежности къ шалопутству и, если окажется возможнымъ, побесѣдовать съ ними. А затѣмъ открытъ цѣлый рядъ публичныхъ бесѣдъ, въ которыхъ обстоятельно разобрать основные пункты догматическаго и нравственнаго ученія скопцовъ. На собесѣдованія пригласить какъ открыто извѣстныхъ скопцовъ, поселившихся въ с. Спасскомъ по возвращеніи изъ Сибири, такъ и мѣстныхъ, подозрѣваемыхъ только въ принадлежности къ сектантству. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе серьезной болѣзни горла, я посѣтилъ только одну скопческую семью Кидаловыхъ, посѣщеніе же остальныхъ и публичныя бесѣды съ скопцами въ силу необходимости пришлось отложить до вторичнаго посѣщенія с. Спаскаго.

Епархіальный миссіонеръ, священникъ Николай
Вортовскій.

На семь докладѣ Архипастырская резолюція Его Преосвященства, отъ 29 ноября 1907 г. за № 8409, послѣдовала такая: „Консисторія немедля увѣдомить отъ моего имени г. Губернатора и попросить его принять мѣры къ прекращенію и Богу и человѣку противной секты. Миссіонерскій противо-сектантскій Комитетъ съ своей стороны приметъ къ тому же свои духовныя мѣры. *Алексій, Епископъ Таврическій*“.